

Протоиерей Георгий Флоровский

Жил ли Христос?

Ко всей христианской истории относятся эти горькие и жуткие слова, сказанные евангелистом о Христе: "Пришел к своим, и свои не приняли Его" (Ин.1:11). Спаситель был встречен в мире сомнением, недоверием и прямой злобой. Он был отвергнут, предан, поруган и убит. И своим ученикам Он предсказал в мире скорбь, ненависть и гонение. Начиная с первых дней апостольского благовестия, сбывается это пророчество. Церковь странствует по земле, среди вражды и противления. "Свет пришел в мир, но люди более возлюбили тьму, нежели свет" (Ин.3:19)... И в наши дни открывается снова восстание мира против Христа. Если еще совсем недавно многие этого не видели и не понимали, то только потому, что не хотели или боялись видеть. Теперь еще страшнее не видеть, теперь нельзя уже не видеть и не смотреть. Наступило время, когда от каждого требуется прямой ответ об его уповании, требуется исповедание и твердый выбор. Протохристианское движение прорвалось силой на историческую поверхность и оказалось у власти. Неверие стало открытым и откровенным. И перед этим воинствующим и уже ничем не прикрытым наступлением многие колеблются и теряются, чувствуют себя беспомощными и безоружными, не знают, что и как ответить, не умеют ответить даже самим себе. В этой растерянности сказывается духовная незрелость и маловерие. И маловерие безответно перед натиском неверия. Но слабость верующих еще не свидетельствует о слабости самой веры.

Неверие выступает под именем науки, выдает себя за единственное действительное знание, за его высшую ступень. И слишком часто, и слишком многие готовы с этим согласиться и уступить. У иных упорное нежелание сдаться и отступить оборачивается только подозрительностью и испугом перед знанием, чем только прикрывается смутная мысль, что, действительно, для знания неизбежно разрушать и разлагать веру. В действительности на имя знания неверие притязает облыжно и без всякого права. В действительности неверие есть "обратная вера", и "вера" слепая и пристрастная. В неверии совсем нет подлинной воли к знанию, нет той внутренней осторожности и свободы, которыми именно и живет, и движется подлинное знание. В неверии всегда дышит недобрая страсть. Обычно неверие проистекает именно из неведения и нечувствия, - и всегда из неведения о своем неведении, а потому из неумения и нежелания удостовериться. В основании неверия всегда лежит сужение духовного кругозора, притупление внутреннего зрения. Неверие опирается на предвзятые мнения, необоснованность которых прикрывается желанием, чтобы они были основательны. Еще бл. Августин чутко отметил, что отрицание Бога всегда опирается на тайное желание, чтобы Бога не было... В неверии есть своя кажущаяся убедительность; доводы неверия иногда представляются сильными, - представляются сильными для тех, кто слаб... Противостоять этому мнимому и лжеименному знанию может только тот, кто умеет ему противопоставить твердое и действительное знание, - и оно раскрывает истину веры. В прямой и непосредственной очевидности веры – бесспорное свидетельство против неверия. Для того, кто прямо и твердо из живого опыта удостоверен в истинности определенного суждения о предмете, тем самым обличается призрачность и ложность противных мнений. Вера есть опыт, и очевидность верующего опыта исключает самую возможность сомнения – в очевидном не сомневаются... Верующий не нуждается в обосновании, оправдании или доказательствах своей веры. Он не нуждается и в опровержении возражений и доводов против нее. В самой своей вере он имеет прямое свидетельство истины. И его уверенность не зависит от опровержения противных мнений. Об этом хорошо говорил еще Ориген в предисловии к своей защитительной книге "Против

Цельса". "Гораздо лучше поступит тот, кто, прочитав случайно книгу Цельса, вообще не будет чувствовать никакой нужды в опровержении этой книги, - говорит Ориген. И ссылается на пример самого Господа. "Когда против Него лжесвидетельствовали, Он молчал: и когда Его обвиняли, не давал никакого ответа. Он был убежден, что вся его жизнь и дела, совершенные среди иудеев, сильнее речи, сказанной в обличение ложных свидетельств, сильнее слов, высказанных в опровержение обвинений... На Иисуса постоянно лжесвидетельствуют, и при существующей злобе среди людей не бывает момента, когда бы его не обвиняли. И Он однако и донныне отвечает на все это молчанием, не возвышает голоса в ответ"... Таким вступлением к своей обширной защитительной книге Ориген хочет предостеречь от того, чтобы веру ставить в зависимость от доказательств и доводов. Защита имеет условный и ограниченный смысл. Он снимает осаду с истины, раскрывает призрачность и неубедительность возражений. Но этого еще мало для действительной веры. К ней ведет другой путь, путь прямого, а не косвенного удостоверения. И только в нем и сама защита получает последний и нерушимый устой. Побеждается сомнение не доводами, а верой – видением веры, опытом истины.

Христианство открылось в мире, как великая радость, и вместе с тем, как проповедь покаяния. Для нового евангельского вина требовались новые мехи, - требовался подвиг и духовное обновление. И этому воспротивилась упрямая и стропотная человеческая воля. Христианская проповедь раздалась впервые в умиравшем и старческом мире. Чем больше и лучше узнаем мы теперь жизнь той эпохи, тем яснее открывается все богатство и сложность апостольского выражения: исполнение, полнота времен (Гал.4:4)... Христианское благовестие было современно и своевременно: в нем насыщались все жгучие и томительные искания древнего человека. Эта современность и своевременность христианской "благой вести", ее соответствие "духу времени" настолько велики, что у многих является соблазн и самое христианство понять и представить как одну из естественных, языческих религий, исторически выросших в то время. Но при этом от внимания ускользает обратная сторона. Как ни близки, казалось, были и еврейскому, и эллинскому сознанию и сердцу истины христианского благовестия, оно встречало здесь какой-то упрямый, стихийный отпор, воспринималось как что-то чужое, загадочное, неслыханное, непонятное и враждебное. И дело здесь не столько в гонениях со стороны государственной власти. Гораздо выразительнее то глухое общественное противление, которое сказывалось и во взрывах народной ненависти, и в клеветнических изветах на христианские общины, и в полемической борьбе с христианским учением. Все это свидетельствует о трудности для старого, иудейского и языческого сознания усвоить и воспринять церковное учение, которое в чем-то основном и главном оказывалось совершенно новым, небывалым и непривычным и потому требовало решительного обновления, "рождения свыше". Это смутное сознание совершенной новизны Евангельского откровения сквозит во всей борьбе мира с Церковью, и в формах прямого отрицания, и в опытах искажающего приспособления евангельского благовестия к старым и привычным религиозным представлениям. В этой новизне христианства свидетельство его божественного происхождения – не от человека, но от Бога. Противится этой новизне строптивное сознание, и вместо того, чтобы подвергнуть себя испытанию нового божественного откровения, стремится его подчинить своему собственному суду. В этом начало и корень лжеучений. Начиная с самой ранней поры, христианские ереси всегда были попытками приспособить христианство к естественному и дохристианскому сознанию: в этом смысле ереси всегда "реакционны", выражают упрямую косность и отсталость мысли, не могущей и не желающей вполне оторваться от прошлого и переродиться вполне. И в своем содержании ереси всегда представляют некое урезывание и усечение исконного церковного учения и веры, растеривание изначального богатства, борьбу с открывшейся в Христе полнотой. Через всю христианскую историю проходит эта

борьба – замолчанное неприятие "благой вести", неприятие в формах искажения или подмены.

К нашему времени вокруг образа и лика Христова накопилось великое множество лжесвидетельств, сомнений и отрицаний. Отвергается Его божественное достоинство. Берется под сомнение вся Евангельская история и ее историческая достоверность. И делаются попытки объяснить христианство без Христа. В последние годы делается попытка отвергнуть вовсе историческое существование Христа и превратить Евангелие в миф, не опирающийся ни на какие действительные события. С особенной резкостью и силой это лжетолкование проведено в книге немецкого профессора А. Дрекса, которой автор дал вполне откровенное заглавие: "Миф о Христе" (первое немецкое издание вышло в 1909 г.). Недавно эта книга издана в русском переводе в лице безбожной и богоборческой пропаганды. Автор притязает говорить от имени науки, а его русские переводчики и издатели выдают его книгу за последнее достижение свободного знания; впрочем, их мало интересует собственное мировоззрение Дрекса, они просто пользуются его книгой для своих целей, учитывают ее как агитационное средство. Дрекс и сам, в сущности, агитатор. В своей книге он не только исследует, сколько проповедует новую, философскую религию. Во имя этой новой религии он и отвергает христианство: Дрекс совсем не безбожник и в материализме видит злейшего и опасного врага. Он ищет новые религиозные формы и новую веру. Он совсем не ученый и не историк, а именно проповедник, взбудораженный и одержимый грезой о новом религиозном, и именно религиозном перевороте. Именно как агитатор Дрекс и выступал долгое время в Германии от имени так называемого "Союза монистов", своеобразной мниморелигиозной общины. Он совсем не исследователь, который ищет и обосновывает истину, взвешивая и испытывая доводы. Он проводит свою предвзятую мниморелигиозную идею и старается подкрепить ее причудливым и безответным подбором всевозможных ссылок и сопоставлений, которые могут создать впечатление достоверности. И нужно сказать, в науке выступление Дрекса было встречено негодованием, и его книга была заклеена стыдом и позором. Даже очень вольнодумные противники христианства, стоящие, однако, на почве научного знания, с отвращением и недоумением говорят о том беззастенчивом произволе, с которым Дрекс и его сторонники подбирают и подделывают свидетельства и факты, видят здесь только "плохую шутку", "смесь смутных мыслей и ребячества". Дрекса выдвинутые против него возражения и упреки не смутили и не вразумили, - не потому, что они неудачны или слабы, но потому, что он не умеет и не хочет их услышать и в них разобраться. У него не хватает честности и терпения для самопроверки и исследования. В его книге дышит страсть и одержимость, ненависть и злоба против христианства. И против этой одержимости и беснования доводы разума бессильны. Успех и удачу проповедь Дрекса имеет среди недоученной и темной массы, в той среде, где острое и кощунственное слово ценится дороже твердого и веского довода. И массы зажигает она зловещим возбуждением.

Это нужно запомнить прежде всего: книга Дрекса совсем не отражает действительного состояния науки, совсем не передает тех выводов, к которым приводит спокойное и беспристрастное научно-историческое исследование. И поэтому прежде всего она подлежит обличению и опровержению с научной точки зрения, с точки зрения научно-исторического метода, самые элементарные правила которого она попирает и нарушает. Именно поэтому она и была встречена единодушным негодованием со стороны ученых самых различных религиозных и философских настроений и убеждений. Дрекс не столько доказывает, сколько утверждает. Место доказательств у него занимают натянутые сближения, произвольные домыслы и догадки, в которых спутываются все времена и сроки. Возможное и действительное Дрекс плохо различает; трезвому историческому восприятию у него мешает беспокойное и игривое воображение. У него очень слабое

чутье исторической действительности. И вместе с тем не любовь или хотя бы бескорыстный интерес к истине движет им, но вражда, - вражда и ненависть к Христу и к христианству. В этом и разгадка его относительного успеха.

Основную мысль мифологической теории Дрекса можно выразить очень коротко. Христа не было никогда. Евангелие ни в каком смысле не есть история, но миф, в котором скрещиваются и переплетаются разнообразные легендарно-мифические сказания, иудейские и языческие, о божественных спасителях. И только впоследствии этот миф был принят за историю, за исторический рассказ о действительных событиях. Почитание небесного Бога Иисуса существовало и в дохристианскую эпоху в некоторых иудейских сектах, и с этим культом связано богословие ап. Павла, ничего не знавшего и не говорившего об историческом Иисусе. Нужно прямо сказать: ни одно из этих положений даже приблизительно не обосновано Дрекса. И прежде всего решительно ничем не доказано существование какого-то дохристианского культа Иисуса, о котором Дрекс говорит на основании совершенно фантастического перетолкования библейского рассказа об Иисусе Навине и неясных позднейших свидетельств о сектах уже христианского времени. Разбирать – или, вернее, разоблачать – доводы и доказательства Дрекса было бы напрасным трудом. ОНИ РАСПАДАЮТСЯ САМИ СОБОЙ, как только мы поставим предварительный вопрос: можно ли без прямого и вопиющего противоречия с бесспорными историческими свидетельствами сомневаться в историческом существовании Христа? Так спрашивать себя, это значит ставить вопрос прямо и по существу. Все построения Дрекса теряют точку опоры, если показано, что исторические свидетельства о Христе имеют характер непосредственного отражения действительности. Все мифологические построения Дрекса рушатся перед лицом бесспорных показаний самовидцев, в которых ясно сказывается живое соприкосновение с личностью Иисуса. Дрекс отрицает все такие исторические свидетельства, отводит или устраняет их. Но в эти отводах нет никакой убедительности, они совершенно произвольны и, прежде всего, совершенно неправдоподобны. В действительности, даже с точки зрения самой придирчивой исторической критики. Оснований сомневаться в историческом существовании Иисуса Христа не больше, чем для того, чтобы заподозрить действительность любого исторического лица, даже из совсем близкого прошлого. Основное положение Дрекса исторически неправдоподобно, и это прежде всего следует показать. Вопрос этим еще не исчерпывается до конца. По отношению к каждой черте евангельского образа Христа, каждому событию Его жизни вопрос возникает снова. Но самое жало мифологической теории уже будет притуплено и стерто. Конечно, вопрос веры еще не решен. И не доводами исторического порядка его решать. Бесспорность исторического существования Христа еще не предрешает вопрос, Кто был Он? И на этот вопрос колебались еще собеседники и совопросники Спасителя; и не плоть и кровь, но Отец Небесный открывал самим апостолам истинное ведение о Его лице (ср. Мф.16:17). И по свидетельству ап. Павла, "никто не может назвать Иисуса Господом, как только Духом Святым" (1Кор.12:3). Узнать Христа может только вера. Но веру для сомневающихся может облегчить и укрепить и ясное сознание, что перед лицом исторических свидетельств невероятно и неправдоподобно сомневаться, был ли Христос, - что такое сомнение есть насилие над здравым историческим восприятием, и питаться может только пристрастием и упрямством воли.

1. Свидетельство апостольской проповеди

Апостольская проповедь, как она закреплена в книге Деяний и в посланиях, с самого начала была проповедью и благовестием об "историческом Иисусе", исходила из факта и событий Его действительной жизни и на этом основывалась. Все ударение здесь лежало именно на определенном единичном историческом событии, все внимание было обращено

к живой личности Христа Иисуса. Такой же реалистический характер имеют послания ап. Павла, закрепляющие в письменах основные черты его устного благовестия. Тот же характер исторического повествования и исторического изображения имеет Четвероевангелие, "четырёхобразное Евангелие", как его называли уже в древности. Это именно рассказ о жизни, проповеди, делах и чудесах, о смерти и воскресении Спасителя Господа Иисуса Христа, и совершенно справедливо говорит один из самых известных современных историков Церкви Ад. Гарнак: "Кто на основании того, что дают первые Евангелия, даже если мы подвергнем их самой строгой исторической критике, не чувствует, что в них открывается могучая, покоряющая сердца Личность, которую нельзя выдумать, тот не способен по источникам воспринимать историческую и личную жизнь и отличать ее от вымысла"... Ибо в Евангелии и есть прежде всего живой образ Христа, обвеянный и согретый личным воспоминанием и преданной любовью. С Евангелием и совпадало в основном содержание первоапостольской проповеди. Личное отношение ко Христу, память о жизни и обращении с Ним определяли весь ее тон и содержание. Это была проповедь очевидцев. И самое имя апостолов первоначально ограничивалось кругом самовидцев Господа, которые были его спутниками и слушателями во время Его земного пути, от Крещения Иоанова до дней Крестной смерти и Воскресения и в Его личном призвании и посольстве, от Него имели основание и опору своих благовестнических полномочий (ср. Деян.1:21-22). Апостолы исходят всегда из конкретных исторических фактов и событий и затем раскрывают и объясняют смысл свершившегося и происшедшего и его спасительную силу. Они оживляют в сознании своих слушателей, воспроизводят перед их благочестивым взором образ Христа и затем раскрывают, Кто был Он. И вся неповторимость и чрезвычайность этого исторического образа заключается в том, что Он, видимый и воспринимаемый как человек, был не только человек, но Сын Божий и Спаситель мира. Потому и не вмещается образ Христа в земные, только человеческие рамки, перерастает их, и в исторических гранях открывается нечто сверхисторическое и сверхземное. Но сами эти грани никогда не стираются и не расплываются, никогда не меркнут исторические, человеческие черты. В том весь и пафос и смысл апостольской проповеди, что она есть рассказ, рассказ о виденном и слышанном, - "что мы слышали, что мы видели своими очами, что рассматривали, и что осязали руки наши" (1Ин.1:1). Рассказ – о том, что сбылось и случилось, и что произошло в определенных условиях времени и места. И случилось небывалое: **Слово плоть бысть** (Ин.1:14), - Сын Божий стал Сыном человеческим, "и образом обретесе яко человек" (Фил.2:7). Сын Божий стал и был человеком, - в этом средоточие евангельской проповеди. И лик вочеловечившегося Господа прежде всего и начертан апостольской рукой в Евангелии. Это лик человеческий, но не только человеческий, ибо Иисус, которого многие видели и слышали, ходили за Ним и обращались с Ним, был не только человек, но и Бог. Но Он был и действительный человек. Человек вполне и не только человек, - в сочетании обоих утверждений весь смысл, вся тайна Евангелия и проповеди апостольской.

Первая апостольская проповедь, записанная на страницах книги Деяний, проповедь ап. Петра в самый День Пятидесятницы, опирается на исторические факты: "Иисуса Назорея, мужа, засвидетельствованного вам от Бога силами и чудесами и знаменами, которые Бог сотворил через Него среди вас, как и сами знаете. Сего, по определенному совету и предвидению Божию преданного, вы взяли и, пригвоздивши руками незаконных, убили... Сего Иисуса Бог воскресил, чему все мы свидетели... Бог соделал Господом и Христом сего Иисуса, которого вы распяли" (Деян.2:22-23,32,36). И о том же и так же проповедует апостол снова при исцелении хромого: "Бог Авраама. Исаака и Иакова, Бог отцов наших, прославил Сына Своего Иисуса, которого вы предали и от которого отреклись перед лицом Пилата, когда он полагал освободить Его" (Деян.3:13 и след.; ср. 4:10,27; 5:30). И снова в доме Корнелия сотника, в Кесарии, ап. Петр проповедует так: "Вы знаете происходившее по всей Иудее, начиная от Галилеи, после крещения, проповеданного

Иоанном. Как Бог Духом Святым и силой помазал Иисуса из Назарета, и Он ходил, благотворя и исцеляя всех, обладаемых дьяволом, потому что Бог был с Ним; и мы свидетели всего, что сделал Он в стране Иудейской и в Иерусалиме и что, наконец, Его убили, повесив на древе" (Деян.10:37-39 и дальше)... Время, когда записаны деяния апостолов, приблизительно определить нетрудно. Это было до разрушения Иерусалима (Веспасианом в 70 году), о чем нет и намеков в книге, - этим определяется низший хронологический предел, позже которого было бы неправдоподобно отодвигать ее написание. Рассказ книги Деяний обрывается на прибытии ап. Павла в Рим, и можно думать, что книга писана именно в первые годы его римских уз, и до его мученической кончины. В книге Деяний, таким образом, перед нами свидетельство Церкви шестидесятих годов. И это свидетельство об "историческом Иисусе", об Иисусе Назорете, распятом и воскресшем.

К тому же времени относится и свидетельство ап. Павла. Он не был прямым учеником Спасителя во время Его земной жизни и проповедывал языкам, жившим вдали от Палестины, куда весть о Христе проходила через чужое посредство. И с тем большей силой бросается в глаза, что ап. Павел проповедует Христа и о Христе, а не только передает Его проповеди и учение. Нетрудно собрать воедино все исторические черты и упоминания, в изобилии разъясненные в апостольских посланиях Павла, и они сливаются в реалистический образ живого лица. Нужно помнить, что послания ап. Павла обращены к уже сложившимся христианским общинам. Это не первое оглашение, не первое слово к ним о Христе. Это повторение и дополнение уже переданного и проповеданного, и поэтому о многом апостол только напоминает. Он не раз ссылается на свою прежнюю проповедь: "Напоминаю вам, братья, Евангелие, которое я благовествовал вам, которое вы и приняли, в котором и утвердились" (1Кор.15:1). И это было Евангелие об "историческом Христе" – "ибо я первоначально преподавал вам, что и сам принял, – что Христос умер за грехи наши, по Писанию; и что Он был погребен и что воскрес в третий день, по Писанию" (ст.3-4)... В посланиях ап. Павла напрасно было бы искать полную и связную Евангельскую историю, - это не входило в их задачу, это предполагалось известным из устного апостольского оглашения и проповеди. Только об отдельных чертах и событиях говорит здесь апостол: "Во исполнение времени, в недавние дни Бог послал Сына Своего, который родился от жены и подчинился закону" (Гал.4:4). Он стал и был человеком, подобным нам, "и по виду стал, как человек", принадлежал к роду Авраамову и роду Давидову, был от Израильян по плоти (Фил.2:7; Рим.1:3; 9:5; Гал.3:16). Его братьев, и среди них Иакова, ап. Павел называет не раз (см. 1Кор.9:5; Гал.1:19; 2:9). Этим достаточно очерчена реально – историческая рамка. С особенным ударением апостол говорит о крестной смерти и воскресении Христа, и в этих событиях полагает существо всего дела Христова и основание всего христианского упования и веры. До своего обращения Павел–Савл был рьяным иудаистом, "неумеренным ревнителем отеческих преданий", по его собственному позднему признанию, "жестоко гнал Церковь Божию и опустошал ее", "дышал убийствами и угрозами на учеников Господа" (Гал.1:13-14; Деян.8:3; 9:1 и др.). Можно думать, что его смущал и возбуждал тогда "соблазн Креста" тот самый "соблазн", в котором он впоследствии видел и указывал главное препятствие для обращения иудеев и эллинов (1Кор.1:18,23; ср. Гал.5:11). Перед Распятием возмущалось его фарисейское сердце тогда как перед знаком проклятия и позора. Перед распятием благоговела его душа впоследствии, когда он писал в Коринфе: "Я рассудил быть у вас не знающим ничего, кроме Иисуса Христа, и притом распятого" (1Кор.2:2). Перед его духовным взором всегда был предначертан Иисус Христос, распятый (срв.Гал.3:1) и восставший из мертвых. Постоянно в своих посланиях апостол говорит о Кресте и Крестной смерти, о "Крови Креста Его", излитой во искупление грехов и в жертву умиловления (Кол.1:20; Рим.3:25), о страданиях Христа, которого убили иудеи, о Его погребении (Гал.3:13; Рим.8:17; Фил.3:10; 2Кор.13:4; 1Сол.2:15; 1Кор.15:4). И для него – это воспоминание и

напоминание о недавних и действительных событиях. С такой же настойчивостью говорит он и о воскресении. "Иисуса и воскресение" благовествовал он в Афинах (Деян.17:18). На вере в воскресение Христа, "восставшего для оправдания нашего" (Рим.4:25), основывается вся проповедь ап. Павла... "Если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша... Но Христос воскрес из мертвых, как первенец из умерших" (1Кор.15:14,20). Вера в действительное воскресение Христа, распятого, была живым средоточием всей первохристианской жизни. И снова полный и совершенный религиозно-исторический реализм превышает, перерастает грани обыденного опыта. Воскресший Христос сидит одесную Отца и ходатайствует о нас. Но и в своем прославлении Он остается и не перестает быть человеком, подобным нам, как не был он только человеком, и не переставал быть Богом и Сыном Божиим "во дни плоти своей". В этом "подобии" вся сила искупительного дела Христа. И при этом ударение апостол делает не на родовом сходстве природы, но на живом отношении и подражании Господу Иисусу Христу. Христос умер за грехи наши, был погребен и воскрес в третий день, являлся Петру, двенадцати и более чем пятиста братьям, "из которых большая часть донныне в живых, а некоторые и почили" (1Кор.15:3-8). "А после всех явился и мне", - добавляет апостол. Очень выразительно, что ап. Павел прямо сопоставляет себя с прочими апостолами и подчеркивает, что он видел Иисуса Христа, Господа Нашего (1Кор.9:1). Дамасское видение было не видением, но явлением Господа во славе и свете. Оно имеет не менее реалистический характер, чем и вся униженная жизнь Господа на земле. Воскресение и вознесение Христа не разрывает связи с Ним. В восприятии и в изображении ап. Павла Христос один и тот же и "во дни плоти своей", и ныне, когда Он во славе. С этим единым образом, с живым Христом связано все благочестие назидаемых апостолом общин, средоточием которого является Евхаристическая трапеза, совершаемая "в воспоминание" Христа и Его смерти (ср. 1Кор.11:23 и след.). В воскресении Христа апостол утверждает надежду на всеобщее воскресение мертвых, всех мертвых (1Кор.15:12 и след.), - и в этом сопоставлении снова подчеркивается реальное человечество Христа, почему именно Он и является первенцем, начатком умирающих людей, с которыми Он нерасторжимо связан. В средоточии проповеди ап. Павла стоит исторический образ Христа, жившего среди иудеев, обращавшегося на земле среди людей, из которых многие еще в живых, учившего, пострадавшего за грехи и от грехов человеческих, распятого и погребенного и восставшего во славе. Христос – первенец умерших, прообраз и пример для людей, с которым надлежит сообразоваться и согласовать свою жизнь. Апостол не останавливается на воспоминании и воспроизведении обстоятельств земной жизни Спасителя, не ограничивается этим. В своих наставлениях он ведет верующих, которых он "родил благовествованием", от видимого человечества к сокрытому Божеству Христа. Но все его богословие остается раскрытием и толкованием исторического образа Иисуса, Его исторического дела. В апостольском изображении есть бесспорное двойство: Христос и человек, и больше человек. Но это двойство приведено к единству, его нельзя рассекать. В этом нераздельном двуединстве весь смысл лица Христова. С этим двуединством связана вся сила искупительного дела, совершенного Христом на земле. Страдал на Кресте не простой человек, но Сын Божий, смиливший Себя до рабского зрака. И воссел горе Сын Божий, ставший единым среди людей. С особенной четкостью раскрывается эта мысль в послании к Евреям. Это послание – не исторический рассказ, но богословское толкование искупительного дела Христова, но именно исторического и единичного дела, совершившегося "в последние дни сии" (Евр.1:2), - и на его отдельные черты здесь постоянно делаются ссылки. И самые ссылки на пророчества Ветхого Завета усиливают исторический колорит. Пророчества изрекались о будущем, о том, что некогда действительно случится. И ныне это случилось, сбылось, свершилось. Христом снято покрывало с Ветхого Завета (ср. 2Кор.3:14). То, что по времени для праведников Ветхого Завета было впереди, как предмет надежды и упования, теперь уже в прошлом и настоящем. Как исполнение и завершение пророчеств и преобразований, образ Христа

выдвигается в историческую и хронологическую перспективу. Всюду и везде апостол говорит об "историческом Иисусе", о том, что было и произошло.

Образ Христа, сохраненный и переданный миру в апостольской проповеди, запечатлен и закреплен в Евангелии. Евангелие есть исторический рассказ и вместе с тем больше, чем только исторический рассказ не только потому, что писано оно не по побуждениям простой исторической любознательности и не только для запоминания о прошлом, но прежде всего потому, что в нем описываются и изображаются несравнимые и непреходящие события, которые больше, чем простые события, чем только события. В четырех канонических засвидетельствованных Церковью Евангелиях начертывается со всей полнотой исторического реализма образ Богочеловека. И в этом изображении с предельной выразительностью передана неповторимая и единственная историческая обстановка. Исторический образ Богочеловека вычерчен и вырисован на действительном фоне тогдашней жизни. Его ученики, совопросники и враги встают перед нами, как живые. Это рассказ о том, что было, изображение действительных событий, встреч, бесед. Евангельская история и была прежде всего содержанием первохристианского благовестия и оглашения. Ее прежде всего рассказывали апостолы и благовестники, выступая, по слову Учителя, как "свидетели" о Нем. Они прежде всего воспроизводили то, что было, начертывали образ Христа как Учителя и Чудотворца, как обличителя и судьи, передавали Его слова, рассказывали о Его делах и знамениях. Но не только рассказывали и вспоминали, но и объясняли, толковали бывшее, раскрывали смысл происходившего. Сквозь историческую видимость все время просвечивает то, что видимо только для взора веры, что при жизни Спасителя видели и узнавали немногие и, может быть, увидели и узнали позже, когда восстал Христос, разверз ум и очи и открыл тайны Царствия. Евангелие есть прежде всего рассказ, но рассказ о Богочеловеке. Именно потому, что это рассказ и историческое свидетельство, в нем есть известная недосказанность. Евангелие требует объяснения и раскрытия. Ибо вера не исчерпывается памятью, но исполняется только в творческом и живом усвоении виденного и узнанного, в живом узнавании и общении с Христом. Исторический образ Богочеловека, родившегося на земле, жившего и учившего среди людей, - таково содержание Евангельской истории, и в этом ее таинственное своеобразие. В Евангелии дан целостный и единый образ – в нашем восприятии очень часто он дwoится и распадается, как, может быть дwoился он и в сознании тех, кто чувственными очами созерцал самого Христа, - пока не прозрело сердце верой. В Евангелиях все говорится об Одном; и к Тому же относится и величественной начало Четвертого, "духовного" Евангелия, и все повествования об унижении, скорбях, лишениях, страданиях и смерти. И только тот, кто схватит единым взором это целостное и живое единство, поймет Евангелие до конца и увидит именно то, что в Евангелиях начертывали их писатели. Именно этот единый образ, сразу и исторический, и Божественный, образ Бога, ставшего человеком, и человека, бывшего Богом, неизменно хранила и хранит Церковь со времен апостольской проповеди как апостольское предание, предание самовидцев. Эта живая память о бывшем, происшедшем, но не прошедшем.

Евангелие есть рассказ и запись очевидцев, начертание образа, запечатлевшегося и хранимого в памяти. Если не все четыре евангелиста были в собственном и точном смысле слова самовидцами земной жизни Спасителя, то и те, кто ими не был, опирались именно на рассказ и память самовидцев. По древнему свидетельству (Папия Иерапольского, II в.), евангелист Марк, "толмач Петра", в своем повествовании опирался именно на рассказы и проповедь ап. Петра, хотя "сам не слушал Господа и не сопутствовал ему". Евангелист Лука прямо ссылается на "очевидцев": "Так как многие уже начали составлять повествования о совершенно известных между нами событиях, как передали нам то бывшие с самого начала очевидцами и служителями Слова, то рассудилось и мне, по тщательном исследовании всего сначала, по порядку описать"

(Лк.1:1-3)... И вместе с тем Евангелие в своем четверообразном составе есть запись апостольской проповеди, - писанному Евангелию предшествовало "евангелие", благовестие устное. В этом смысле Евангелие есть апостольское свидетельство о Христе, "воспоминания апостолов" или "памятные записи", как выражался о Евангелиях св. Иустин мученик (II в.). В известном смысле Евангелие уже апостольской проповеди, в нем написано, по прямому свидетельству самого евангелиста Иоанна, не все то, что "сотворил Иисус", и, конечно, не все то, что хранила в себе апостольская память (ср. Ин.21:25; 20:30). В задачу евангелистов не входило дать исторический полный рассказ о жизни Христа, как бы по дням и годам. Они начертывали Его образ и повествовали для того, чтобы описать Его лик. Это не летопись, но благовестие. Но в качестве благовестников евангелисты тем самым были историками, ибо они старались запечатлеть в памяти и в душе верующих и оглашаемых, и даже неверующих реальный образ Христа в основных событиях и положениях Его земной жизни. Изобразительная задача не требовала ни летописной строгости, ни летописной полноты. Исторического характера и реализма изображение от этого несколько не теряет. То же нужно сказать и о передаче и воспроизведении бесед и слов Спасителя. Евангелие можно назвать исторической иконой, и притом – это икона Богочеловека. Точнее сказать, четыре иконы – некая четверовидная икона. И эти четыре иконы или образа не вполне совпадают между собой, - даже при поверхностном наблюдении нетрудно заметить "разногласия евангелистов". Но нужно припомнить, как относилась к ним христианская древность: никогда не пробовала и не пыталась она стереть или хотя бы смягчить эти видимые "противоречия"; история евангельского текста не знает ничего о таких "предвзятых поправках". Это говорит о мнимом характере этих разноречий и разногласий, о действительном согласии евангельских изображений, которое только ускользает от близорукого и поверхностного наблюдения и открывается при большой чуткости восприятия. Согласуются и совпадают евангельские изображения в тождестве изображаемого, и единстве Богочеловеческого лика. И нужно прибавить, в Церкви не имел успех опыт евангельского свода, хотя очень рано и был сделан такой опыт – составить единый последовательный рассказ "по четырем" (так называемый Диатессарон Татиана, вторая половина II в.). Исторический образ Христа хранится в Церкви в четырех отражениях. И во всех одно Лицо, единый Лик.

Евангелие есть история земной жизни Человека, который не был только человеком. И эта история развертывается в живой земной и исторической рамке, которую для евангельских иконописцев не было надобности выписывать с особенной тщательностью и подробностью, но которая всегда реальна и реалистична, ибо писана с природы и по памяти. В сущности, это более чем рамка, ибо живой образ Христа неотделим от нее: на этом фоне Его видели, и от Его богочеловеческого лика раз навсегда упал благодатный отсвет на ту землю, по которой Он ходил, на тех людей, которые к нему приближались. Так было. Во множественности отдельных воспоминаний оживает незабываемый образ Иисуса Христа. Земной план евангельской истории не раз прорезывается и пронизывается небесным. Точнее сказать, он всегда таинственно прозрачен, сквозь историческую очевидность всегда просвечивает Божественная действительность. Правда, не всем это видно, как не видели этого и тогда... С другой стороны, неверующих и сомневающихся это смущает, удерживает их признать историческую достоверность евангельского рассказа и описания. Им кажется, не может быть снято или списано с природы то, что так непохоже на обычную действительность. Отсюда рождается соблазн "поправить" евангельское изображение и рассказать, сделать его более обычным. В этом сказывается скрытое и предвзятое отрицание Евангельского чуда и Евангельской тайны, тайны и чуда Богочеловечества. Никакими доводами нельзя сломить такое отрицание, раз восстает оно и против евангельской очевидности. Здесь, в Евангелии, предвзятое мнение сталкивается с фактом, которого оно не желает видеть и признать, и потому просто отрицает его действительность как невозможность. Наперед взято под сомнение или совсем отвергнуто

божественное достоинство и Богочеловечество Христа, и поэтому кажется невозможным и неправдоподобным в его земной истории все то, чего не бывает, что необычно и невозможно в истории обыкновенных людей. Но Евангелие не есть история человека. И, однако, все же история, описание того, что было. Было особенное и небывалое, единственное и неповторимое: Бог явился во плоти, и образом обретеся, Яко человек... И потому Евангелие сразу и Евангелие Сына Божьего, и история Сына Давидова. В жизни Богочеловека наперед следует ожидать необычного, не похожего и отличного от жизни только людей, предвидеть разрыв и снятие обыденных человеческих граней. Евангельской очевидности сомнение противопоставляет только предвзятое отрицание возможности Богочеловечества и Боговоплощения вообще. Из того, что Иисус был человек, поспешно и не основательно заключать, что Он был только человек и не был Богом, и на основании такого мнимого и торопливого вывода отрицать, заподозривать или перетолковывать все то, что в повествовании о Нем не может относиться к обыкновенному, хотя бы и замечательному человеку. При таком рассечении евангельского рассказа его историческая достоверность, действительно, расплывается, теряется, ибо он целостен, ибо Христос не был простым человеком. История Иисуса из Назарета, рассказанная в пределах одного человечества, совсем не есть история, но вымысел, ибо не соответствует изображаемой действительности. И столь же неверно и ошибочно на том основании, что все в Евангелии запечатлено и озарено Божественным светом изображаемого в нем Христа, заподозривать его исторический и реалистический характер, отрицать в нем всякое историческое содержание, принимать его за миф, за символическое изображение небывавшего и небывшего. Если Христос, изображаемый в Евангелии, изображается, как Бог, Он не был человеком, Его вовсе не было в истории, в земной действительности... Подобный "мифологический" вывод столь же предвзят и порочен, как и противоположная крайность "чистого историзма": если человек, то не Бог. Это два противоположных, но сопряженных отрицания Евангельской тайны или, лучше сказать, Евангельского факта. Предвзятое отрицание действительности ради притязаемой невозможности... Или Бог, или человек... Этому ложному противопоставлению возражает Евангельская действительность: и Бог, и человек... **Слово плоть бысть...**

Можно разбить Евангельское изображение, и оно рассыплется в мертвенные осколки. Но нужно помнить: Евангелие есть икона Богочеловека. Не миф, и не "чистая история". Так было оно написано, ибо так было, - было то, что описано евангелистами. Начертан виденный и узнанный лик Богочеловека. В сиянии Божественного достоинства не исчезают и не расплываются человеческие черты. Они сохраняют всю свою четкость и полноту. В этом таинственном своеобразии Евангельского изображения, передающего своеобразие самого чудесного Христова лика. Полнота человечества, - именно поэтому Христа можно было принимать за "только человека", ибо не для всех вразумительны знамения божества. Для иных они были поводом к горшему соблазну. "Книжники, пришедшие из Иерусалима, говорили, что Он имеет вельзевула и что изгоняет бесов силою бесовского князя". И даже "ближние Его" хотели взять Его, ибо говорили, что Он вышел из себя (Мк.3:22,21 и след.: Мф.9:34; Лк.11:15 и след. Ин.8:48). "И пришед в отечество Свое, учил их в синагоге их, так что они изумлялись и говорили: откуда у него такая премудрость и силы? не плотников ли Он сын? не Его ли мать называется Мария, и братья Его Иаков и Иосий, и Симон и Иуда? и сестры Его не все ли между нами? Откуда же у Него все это? И соблазнялись о нем" (Мф.13:54-57; Мк.6:2-3)... Из Евангелия мы знаем, что все почти принимали Иисуса за простого человека - и не только враги Его, книжники и старцы, архиереи, Ирод и Пилат, но и ближние Его, и ученики - до времени... Полнота человечества, - отсюда бесспорная четкость и живость изобразительного рисунка в Евангелии. Евангелие полно живых людей, зарисованных в полноте их личного своеобразия, которое часто дается понять и почувствовать немногими словами. Евангельские лица выступают перед нами так ясно и ярко, что только с натуры, с

действительности можно снять такое изображение. И образ Захарии и Предтечи, и образ Пречистой Девы и образы часто безымянных верующих и исцеленных, притекавших к Иисусу, - все они в самих себе несут свидетельство своей подлинности, своей жизненной действительности. Они взяты из жизни. Конечно, сама наглядность и изобразительность рассказа еще не вполне обеспечивает его историческую достоверность. Но в Евангельском рассказе есть нечто большее, чем одна только живая наглядность. Есть бескорыстная, свободная непосредственность рассказа, прямо свидетельствующая о его действительности. Доказать это трудно, но еще труднее в этом сомневаться, если только нет предвзятой воли к сомнению. Прямо чувствуется, что все евангельские события рассказаны по живой памяти и живому впечатлению. Приводить примеры это значило бы пересказать все Четвероевангелие. Достаточно немногих припоминаний. Уже упоминалось пребывание Христа в Назарете, соблазн и сомнение Его ближних. Не раз в Евангелии рассказывается о недоумениях и сомнениях Его учеников. Ярким реализмом запечатлена беседа Господа по пути в страны Кесарии Филипповой, торжественное исповедание и сряду же несмысленное прекословие ап. Петра (Мф.15:13-23; Мк.8:27-33). Или рассказ о том, как приступила к Иисусу мать сыновей Заведеевых просить, чтобы Он дал им сесть рядом с Собой во славе Царствия Своего (Мф.20:20-24; Мк.10:35-41). Или рассказ о воскрешении Лазаря (Ин.11:1-46). С бесспорными реалистическими подробностями описаны последние дни Господа. "Один юноша, завернувшись по нагому телу в покрывало, следовал за Ним; и воины схватили его. Но он, оставив покрывало, нагой убежал от них" (Мк.14:51-52). "И заставили проходящего некоего Киринеянина Симона, отца Александрова и Руфова, идущего с поля, нести крест Его" (Мк.15:21; Мф.27:32; Лк.23:26). "Мария же Магдалина и Мария Иосиева смотрели, где Его полагали" (Мк.15:47; Мф.27:61). Все эти мелкие штрихи уместны только в историческом повествовании, в "памятных записях" очевидцев. Непосредственное самосвидетельство евангельских рассказов подкрепляется отдельными реалистическими внешними чертами, именами, прозвищами, названиями городов. "После сего проходил Он по городам и селениям, проповедуя и благовествуя Царство Божие, и с Ним двенадцать, и некоторые женщины, которых Он исцелил от злых духов и болезней: Мария, называемая Магдалиной, из которой вышли семь бесов, и Иоанна, жена Хузы, домоправителя Иродова, и Сусанна, и многие другие, которые служили Ему именем своим" (Лк.8:1-3). Сухое историческое сопоставление внешних подробностей Евангельской истории с другими источниками по истории и быту тогдашней Палестины в общем и основном с полной убедительностью показывает историческую и бытовую точность Евангельского изображения. Конечно, все это касается внешней рамки, и внутреннее содержание и самый образ Христов превышает этот уровень и эту рамку. И тем более выступает исторический и реалистический характер Евангельского рассказа. То же нужно сказать и о речах Христа. Он говорил как иудей, языком и образами своего времени и народа. На Его словах лежит яркий исторический колорит. По содержанию и смыслу Его проповедь, безусловно, превышала даже ветхозаветную меру; она смущала не только слепых блудителей буквы законной, но и таких благочестивых "учителей Израилевых", как Никодим, - и вместе с тем в ней было исполнение Закона и пророков. В известном смысле сам Иисус был одним из учителей Израилевых. И эта черта есть в Его евангельском образе, конечно, не только это одно. Можно в известном смысле все Евангелие назвать историческим рассказом из жизни народа еврейского. Это – полуправда, которая легко может выродиться в опасную ложь и обман. Но и эта черта входит в состав Евангельской правды. Христос покорился Закону, жил по Закону и в навечерие своей Крестной смерти совершил по Закону Пасхальную вечерю с учениками Своими.

В яркой и четкой исторической рамке, при Ироде, царе иудейском, при Понтии Пилате, в Иудее и Галилее протекает земная жизнь Спасителя, которого многие принимали только за человека и немногие признали за Христа, за Мессию. И не плоть и кровь, но Отец

небесный открыл, что Он есть Сын Бога живого, ап. Петру (Мф.16:16-17). Он был не только человеком и не только Мессией, но и Богом. Но и не только Богом, но и человеком. "Слово плоть бысть, и вселися в ны..." (Ин.1:14). По древнему преданию, Четвертое Евангелие было написано последним, в дополнение и как бы в истолкование первых трех. Это – "духовное" Евангелие, в отличие от "плотских" повествований синоптиков. В действительности, конечно, все Евангелия – "духовны", и нет ни одного "плотского". И Евангелие от Марка – "Евангелие Иисуса Христа, Сына Божия" (Мк.1:1). Вместе с тем и "духовное" созерцание евангелиста Иоанна разворачивается в четких гранях конкретной истории, и исторический, иудейский колорит изображения в Четвертом Евангелии, быть может, еще резче и ярче, чем у синоптиков. Ни в одном Евангелии не говорится о "только человеке" и ни в одном только о Боге, но повсюду о Богочеловеке. Во всех ярко и реально описана и изображена земная жизнь, в исторической плоти которой открылась Божественная слава, истина, путь в жизнь. И не просто открылась или проявилась, но соединилась в нерасторжимом и совершенном единстве. "Слово плоть бысть"... Об этом факте, событии и вместе чуде и тайне и повествуют Евангелия. В них изобразительно представлено и только отчасти названо словом то, что впоследствии Церковь выразила в догматических определениях.

Иначе и не определить сущность и содержание апостольского благовестия – **историческое свидетельство о Богочеловеке Христе**. С известной точки зрения весь смысл Евангелия – в его историзме, в указании на единственное и единичное событие, на единственную и неповторимую, живую и историческую личность Христа. С самого начала все ударение лежало на историчности. Историческим пафосом дышит весь Новый Завет, – было и сбылось... Но это не историчность в себе замкнутого и заключенного, только земного и естественного потока событий. Это – повесть о бывшем и случившемся, и не образная или символическая, но реалистическая повесть. Ибо было и случилось – встреча неба с землей, Бога и человека. Встреча и соединение... "Слово плоть бысть"...

2. Свидетельство внешних

Христос пришел неузнанным. Немногие из его современников и даже из слушавших Его поняли, кто Он. Не сразу и далеко не для многих раскрылся смысл Его проповеди и значение Его дела. Кто узнал Его, тот уверовал; и свидетельство верующих сохранено в книгах Нового Завета. Неузнавшие не имели основания придавать большое значение Его жизни и делу, не имели побуждений много говорить о Нем. Поэтому наперед можно сказать, что было бы напрасно искать подробных свидетельств о Христе в писаниях людей, чуждых Церкви, в первые десятилетия христианской истории. К тому же эллины и римляне не имели поводов касаться событий, происходивших в далекой Палестине; в их глазах это была глухая провинция, судьбами которой они мало интересовались. О христианстве языческий мир узнал только тогда, когда апостольская проповедь вышла за пределы Палестины и обошла все земли. Но и тогда долгое время в языческом восприятии христиане мало отличались от иудеев. Только у иудейских современников можно искать ранних упоминаний о Христе. Впрочем, и здесь следует сделать оговорку. Народ еврейский тоже не узнал Его. В глазах неверовавших иудеев Он был только одним из многочисленных учителей и проповедников, и у них не было оснований выделять Его из общего числа. В книге "Деяний апостольских" передается речь одного из фарисейских законоучителей, Гамалиила, в синагогине. Он удерживал от суровых мер против благовестников христианства. "Ибо незадолго перед сим явился Февда, выдавая себя за кого-то великого, и к нему пристало около четырехсот человек: но он был убит, и все, кто слушался его, рассеялись и исчезли. После него во время переписи явился Иуда Галилеянин и увлек за собой довольно народа; но он погиб, и все, кто слушался его, рассыпались. И ныне, говорю вам, отстаньте от людей сих и оставьте их; ибо если это

предприятие и это дело – от человеков, то оно разрушится" (Деян.5:34-38)... Эта речь очень характерна для первых лет христианской истории. Рано начались кровавые гонения на Церковь Божию со стороны иудаистов. Но внутреннего внимания к христианству в еврейской среде было мало. Впоследствии, когда христианская проповедь усилилась и окрепла, у еврейских писателей явились основания умалчивать о ней, набрасывать тень забвения и на Христа, и на Церковь. Вот почему не только не приходится удивляться скудости "внешних" известий о Христе в эти первые десятилетия нашего летоисчисления, но этой скудости мы должны ожидать как явления совершенно естественного.

В I веке нашей эры судьбу и жизнь еврейского народа описывал знаменитый иудейский историк Иосиф Флавий. Он родился около 37 г. и умер в Риме около 100 г. Свою "Иудейскую археологию" он писал в Риме, в годы своей старости, и окончил ее около 93 – 94 гг. В этой книге он трижды касается событий и лиц евангельской истории. Одно свидетельство относится к Иоанну Крестителю. Иосиф говорит о нем как о "добродетельном муже", побуждавшем иудеев стремиться к добродетели, чтобы они, соблюдая во взаимных отношениях справедливость, а к Богу должное благоговение, приступали к крещению". Народ стекался к нему, число слушателей его было велико. Опасаясь его влияния на народ, опасаясь народного восстания, Ирод велел схватить и заточить Иоанна, а затем предал его смерти (XVIII. 5). Подлинность и достоверность этого сообщения Иосифа Флавия не вызывала и не вызывает никаких сомнений. И то же нужно сказать об упоминании Иосифом о смерти Иакова, "брата Иисуса, называемого Христом", и других, побитых камнями за нарушение закона по приговору Синедриона при первосвященнике Анане (XX. 9). Это было в 62 году. Иосиф в это время жил в Иерусалиме и говорит, очевидно, по личным воспоминаниям. Иакову он дает то имя, под которым тот был известен. В этих обоих известиях чувствуется внешний наблюдатель, отмечающий факты, которым особого значения он не придает. К тому же он передает их как события политические. Иосиф писал по-гречески, не для своих соотечественников, но для римлян, и всюду избегал говорить о том, что могло бы набросить тень политической неблагонадежности на его народ в глазах римской власти. Поэтому он замалчивал мессианские чаяния своего народа и старался дать об иудеях представление как о спокойных и добродушных гражданах, чуждых всяких мятежных замыслов. Перед римской властью он заискивал. И по той же причине ему было естественно избегать говорить о христианстве, которое к концу I века начало привлекать неблагоприятное внимание властей как какой-то мятежный заговор. Тем не менее у Иосифа есть прямое свидетельство о Христе. Вокруг него давно уже ведутся споры и высказывается сомнение, мог ли так говорить о Христе неверующий иудей. Рассказывая о времени Понтия Пилата, Иосиф говорит, между прочим, так: "В это же время жил Иисус, мудрый человек, если, впрочем его следует называть человеком, ибо он был совершителем удивительных дел, учителем людей, с удовольствием принимающих истину. Он привлек к себе многих как из иудеев, так и из эллинов. Это был Христос (Мессия). И когда Пилат, по жалобе знатных людей наших, осудил его на крестную смерть, те, которые ранее полюбили его, не отступились от Него (не перестали любить его). Ибо Он явился им на третий день снова живым, как предсказали божественные пророки об этом и о многом другом чудесном относительно Него. Еще и теперь не прекратилось поколение христиан, названных по его имени" (XVIII. 3). В целом виде это свидетельство трудно признать подлинным и принадлежащим Иосифу. Признать Иисуса Мессией, признать Его воскресение, конечно, он не мог. Вряд ли, однако, следует вообще отрицать, что Иосиф упоминал о Христе. Вернее допустить, что его первоначальное сообщение подверглось переделке и вставкам впоследствии, - во всяком случае, довольно рано, так как уже в начале IV века в теперешнем виде его приводит тогдашний историк Евсевий Кесарийский в своей "Церковной истории". Во всяком случае, во всех сохранившихся рукописях "Археологии" Иосифа Флавия читается спорное место о Христе. И нужно сознаться, что подчеркнутые в

приведенной выдержке слова Иосиф Флавий вполне мог написать. Может быть, в таком первоначальном виде читал известие Иосифа Ориген, упрекавший его за то, что он не уверовал в Иисуса как в Мессию, "не признал его Мессией", и удивлявшийся, что все-таки он засвидетельствовал о великой праведности Иакова. Как будто бы Ориген имеет в виду какое-то прямое непризнание Иосифа. В одном сирийском памятнике, вероятно V века, излагающем споры при дворе Сассанидов между эллином, иудеем и христианином, Иосифу Флавию усваивается свидетельство о Христе как о "муже праведном и добром, засвидетельствованном от божественной благодати знаменами и облагодетельствовавшего многих чудесами". Вероятно, подобным кратким упоминанием и ограничивалось первоначальное чтение известия у Иосифа. Очень многие из современных исследователей признают, что Иосиф говорил о Христе, хотя в теперешнем виде его известие не может быть усвоено ему. Впрочем, даже полное молчание Иосифа совсем не означало бы, что он не знал о Христе. Не говорить можно не только от незнания, но и от невнимания и нежелания сказать. У Иосифа было немало оснований для намеренного умолчания. Он писал не историю, но апологию своего народа, не стремился к полноте, но всегда считал дозволительным умалчивать о том, что могло бы обеспокоить римскую подозрительность. Столь же понятно неупоминание О Христе у другого иудейского историка I в., Юста из Тивериады. И он писал не историю в собственном смысле слова. Но исторический памфлет против Иосифа, и всего больше старался о том, чтобы доказать его измену заветам и интересам родного народа. Ему не было нужды говорить о Христе. Да и вообще он был очень краток и о многом совсем не говорил. Книга Юста до нас вообще не дошла, и только со слов константинопольского патриарха Фотия (IX в.), который еще читал ее, мы знаем, что Юст не упоминал в своей летописи о Христе.

"Археология" Иосифа Флавия вообще единственный иудейский памятник I века, в котором можно было бы искать свидетельства о христианстве. Другой знаменитый иудейский писатель I в., писавший по-гречески, Филон Александрийский, умер слишком рано (вскоре после 40 года), чтобы успеть заговорить о Христе, тем более, что он жил в Палестине и о тамошних делах должен был узнавать из вторых рук. Раввинской литературы I века мы вообще не знаем. Все дошедшие до нас раввинистические источники не старше второй половины II века, и на них лежит печать уже другого времени, нежели новозаветное время, время Христа. В Талмуде немало известий о Христе, но все они позднейшего происхождения и представляют собой явное искажение и кощунственную переделку евангельских текстов. По самой задаче и содержанию Талмуда в нем не было места для исторического рассказа о Христе. Здесь речь идет об обрядах и нравственных или юридических постановлениях, передаются мнения и изречения отдельных учителей. Это вообще совсем не историческая книга. Большинство упоминаний Талмуда о христианах вызвано полемическими мотивами. С самого начала евреи были ненавистниками христианства и первыми возбудителями гонений. И, кажется, древнейшим еврейским свидетельством о христианстве является проклятие назареев и "еретиков" ("минов", *minim*) в каждодневной молитве Шмоне Езре, относящейся к самому концу I века (80–100 гг.). Талмуд избегает называть Иисуса по имени, обозначает Его неопределенно: "тот человек", "некий". В глазах иудаистов христиане – опасные мечтатели, верующие в "кого-то", в "какого-то". Может быть, в двух – трех местах сквозь общую ненависть просвечивает более мягкое и более древнее отношение к личности самого Христа. Но в общем преобладает дух вражды. Из этой ненависти и вражды рождается иудейский пасквиль на Христа. О нем упоминает уже Иустин Философ (во II в.), им пользовался, по-видимому, Цельс в своей книге против христианства (тоже во II в.), на которую Ориген написал свое знаменитое опровержение (в первой половине III в.). Цельс собрал в своей книге все, что злобствующее иудейство и недоумевающее язычество знало о христианстве и вменяло ему в вину. Исторической правды в этих изветах было бы напрасно искать. Но тем более характерно и выразительно при этой напряженности

клеветы и изветов полное отсутствие какого то ни было сомнения в исторической действительности самого Иисуса. Для проклинавших и гнавших христианство раввинов и иудеев Иисус был историческим лицом, и к историческому образу обращена их ненависть и злоба. Они рассказывали о Христе позорные и грязные басни, но никогда не отрицали, что он жил. И сквозь мутную пелену ненавистнических изветов все же просвечивают и некоторые исторические черты евангельского образа, и, прежде всего, память о чудесах Христовых. Иудеи помнят и знают, что Он творил чудеса, но толкуют это по-своему, называют Иисуса чародеем и прельстителем народа, фокусником и некромантом. Так это и в Талмуде, и у тех обличителей христианства, о которых мы узнаем от древних христианских апологетов. Среди этих памятников древней христианской полемики против иудеев самым замечательным является "Разговор с Трифоном Иудеем" св. Иустина мученика (середины II в.). Спор с иудеями сводился к вопросу о личности Христа. Может ли Христос быть Мессией, обетованным и предсказанным пророками, не бросает ли на Его личность и на Его дело тени Его позорная смерть на кресте – в этом был соблазн иудеев. Это все тот же прежний "соблазн креста". "Вы не соблюдаете ни праздников, ни суббот, не имеете обрезания, а полагаете свое упование на человека распятого и, однако, надеетесь получить благо от Бога, не исполняя Его заповедей", - вот главный упрек Трифона иудея (Разговор, 10). "Этот у вас называемый Христос был бесславен и обещен, так что подвергся самому крайнему проклятию, какое полагается в законе Божьем, был распят на кресте" (32). В этом и был соблазн Иудеев. Никаких следов их сомнения в историчности Христа мы не встречаем. Иустин мученик рассказывает всю земную жизнь Иисуса, и его иудейский собеседник только по-иному толкует ее, но против самых фактов не возражает. И так же поступает и иудей у Цельса, к тому же прямо ссылающийся на "писание" и "евангелие" христиан, без всякого намека на их недостоверность, кроме, конечно, рассказа о воскресении. – Иудейские враги христианства знали о Христе, и скудость иудейских известий о его жизни носит характер умышленного умолчания о Нем. И об ап. Павле Талмуд не говорит, а между тем в нем постоянно слышится прямая и обдуманная полемика с учением и проповедью апостола. О запрете спорить с христианами прямо говорит собеседник св. Иустина: "Было бы лучше последовать совету раввинов, положивших не спорить ни с кем из вас; не следовало и нам затевать беседу с тобой" (38). Не отзвуки ли это Гамалиилова совета?

В Риме узнали о Христе, когда встретились с христианами. Историк Светоний (писал около 120 г. В жизнеописании Нерона упоминает о гонении на христиан как не род новых и проклятых суеверов (О жизни цезарей, XVI, 2)). В жизнеописании имп. Клавдия (41–45) он говорит об изгнании из Рима "иудеев, постоянно волновавшихся под влиянием Хреста" (*Chresto impulsore*, - XXV. 3). Может возникнуть вопрос, к христианам ли относится последнее известие. Нужно вспомнить, что и Тацит пишет: христиане. Пример Тертуллиана показывает, что на Западе и до начала III века греческое *chrystianoi* читали и произносили через *e*, *chrestiani*, а не через *i*. У апологетов II века мы встречаемся с игрой слов по этому поводу: *chrystos* по-гречески значит полезный, и св. Иустин говорит, что если судить только по имени, за которое нас обвиняют, "мы – самые полезные люди". Поэтому непривычное для нас написание имени у Светония вполне согласуется с тогдашним словоупотреблением. Хрест есть именно Христос. И то обстоятельство, что Светоний не прибавляет к этому имени "какой-то" или "некто", показывает, что он предполагал это имя известным. Смешать христиан с евреями он легко мог. Из его слов совсем не видно, будто бы называемый им Хрест жил в Риме. Он только связывает римское волнение иудеев с его личностью. Из слов Светония можно заключить, что, при первом явлении христиан на римской сцене, их ставили в связь с исторической личностью Христа. Вряд ли Светоний интересовался дальнейшими подробностями. Вернее, что он проявлял такое же равнодушное невнимание к христианам, как и его друг Плиний Младший, который в качестве правителя областей Вифнии и Понта около 110–113 гг.

встретился там с христианами. Донося о них имп. Траяну, он отмечает между прочим, что на своих собраниях они "поют песнь Христу как Богу". Здесь одно только имя, без всяких пояснений. Плиний прибавляет, что "действительных христиан" нельзя склонить ни к участию в языческом культе, ни к тому, чтобы они "прокляли Христа". О самих христианах Плиний отзывается мягко, но считает их грубыми суеверами (письма, X. 96). Его не интересовало, видимо, исследовать это суеверие более подробно. И римскую власть христиане интересовали тогда только с точки зрения общественного порядка. Приблизительно к тому же времени относятся "Летописи" (Анналы) знаменитого Тацита (писаны около 110–117 гг.). Он упоминает о Христе по поводу гонения Нерона. Подлинность этого рассказа Тацита должна быть признана доказанной бесспорно. По рассказу Тацита, чтобы отклонить от себя подозрение в поджоге Рима, Нерон обвинил в нем "людей, которых народ и без того ненавидел за их пороки и называл христианами (chrestianos)". Это имя происходит от Христа, который в "царствование Траяна был наказан прокуратором Понтием Пилатом". "Это нечестивое суеверие, подавленное на время, вспыхнуло вновь и не только в Иудее, где начало этого зла, но и в Городе, куда стекается и где совершается все гнусное и постыдное" (XV. 44). Свидетельство Тацита удостоверяет историческую действительность Христа, "распятого при Понтийском Пилате", для неверующего язычника на рубеже I и II вв. У Тацита проявляется то же презрительное отношение к христианам, о котором так много говорят христианские писатели II и даже III века, опровергавшие языческие сплетни и клеветы. Можно поставить вопрос об источниках сообщения Тацита о Христе. Несомненно, это не еврейский источник, так как еврей не назвал бы Иисуса Христом (т.е. Мессией). Столь же несомненно, что это и не христианский источник. Остается признать источник римский. Вряд ли можно видеть здесь официальные акты императорского архива; по свидетельству Тацита, он и для него был недоступен. В этом архиве, действительно, должны были храниться донесения правителей провинций, но вряд ли они были доступны частным лицам. Св. Иустин мученик в своей Апологии, поданной около 150 г. имп. Антонину Пию, в подтверждение действительности крестной смерти Христа и Его чудотворений приглашает проверить свои слова по "актам при Понтии Пилате" (35 и 48); Тертуллиан в своей Апологии (около 197 г.) упоминает о донесении Пилата Тивердию (гл. 5). В действительности, конечно, это не ссылки на доступный источник, но призыв к проверке. И в нем сказывается бесспорная уверенность в исторической достоверности истории Христа. Дошедшие до нас "Акты Пилата" и письмо Пилата имп. Клавдию безусловно неподлинны и принадлежат позднему времени.

К этим беглым известиям можно присоединить еще сохранившееся в одной сирийской рукописи VI в. письмо неизвестного сирийского стоика Мары к сыну Серапиону (вероятно, 73–160 гг.). В подтверждение своих советов пренебрегать богатством и брэнной славой мира сего и уклоняться от его страстей и суеты Мара ссылается на печальную судьбу мудрецов. Что приобрели Афины от смерти Сократа, или Самосцы от сожжения Пифагора, или иудеи от низложения их мудрого царя, - ведь с той поры у них отнято царство (срв. Мф. 27.37) и они рассеяны повсюду из своей земли. Все понесли наказание. А умерщвленные мудрецы не мертвы: жив и мудрый царь иудеев, - "ради нового закона, который он дал". Здесь глухая и неясная память о Христе.

В общем, мы узнаем очень и очень мало о Христе от "внешних". В этом нет ничего удивительного. Древние писали со своей точки зрения, у них были свои мерилы важности и интереса. Иудеи относились к христианству с раздражением, эллины и римляне – с презрением, "иудейское ослепление" и "языческое нечестие" встречались между собой. Никто из "внешних" не ставил себе прямой и специальной задачей рассказ о Христе и христианах в эти ранние годы, и в этом ничего странного нет. Исторической будущности христианства они не предчувствовали и не допускали, для большинства это было пустым

и ничтожным суеверием. Только позже языческий мир узнал и почувствовал в Церкви опасного врага. Тогда языческие писатели с гневом обрушились на христиан и на их веру. Но снова никто и никогда не высказывал ни малейшего сомнения в действительном существовании Того, по Чьему имени и прозваны так христиане. Это молчание гораздо красноречивее и убедительнее того мнимого молчания, о котором противники историчности Христа торопливо умозаключают от скудости "внешних" известий. Мало того, в вину христианам вменялось больше всего и прежде всего почитание человека и при том распятого. В этом их обвиняли иудеи. Как то мы знаем от св. Иустина. В этом их обвиняли и язычники. Стоик Фронтон, как мы узнаем из защитительного диалога Минуция Феликса (около 180–200 гг.), обвинял христиан, что они поклоняются человеку, наказанному за злодеяния страшным наказанием, и преклоняются перед древом Креста (Октавий, гл. IX). Лукиан Самосатский в своей книге "О смерти Перигрина" так и говорит о христианах: "Они еще и теперь высоко почитают распятого в Палестине человека", "поклоняются распятому софисту", своему законодателю (гл. XIII; писано около 170 г.). И, наконец, приблизительно в то же время уже не раз названный выше Цельс в своей обширной книге против христиан прежде всего нападает на почитание уничиженного человека. В жизни Христа он не находит ничего героического и великого. "Как могли мы признавать за Бога того, кто не исполнил ничего из того, что, по носившимся в народе слухам, он обещал? А когда мы обличили его и признали достойным казни, то он ищет скрыться и бежать постыднейшим образом, но предается одним из тех, кого он называл своими учениками"... Цельс вкладывает свои слова в уста иудея, ибо иудеи были главным его источником. Он пересказывает с глумлением евангельскую историю. Почитание Иисуса Христа его возмущает и злит. И ни слова, ни намек на недостоверность... И для нас понятно, почему древние христианские писатели не останавливались на защите исторической действительности Христа, - в том никто и никогда не сомневался, это было вне сомнений и спора. Для языческого мира христианство было почитанием "исторического Христа".

3. Свидетельство первохристианина.

Кто был Иисус Христос? Вокруг этого вопроса с апостольских времен шли споры. Не в Церкви, ибо с изначала она содержала непреложную веру в Христа как Богочеловека, Сына Божьего, ставшего "человеком между людьми". Но вокруг Церкви, в кругах, тронутых евангельским благовестием, но не принявших апостольского проповедания в чистоте и простоте веры. Эти споры никогда не касались самого существования Христа. Разделения возникали по вопросу, Кто был Он. И, опять-таки, самые мнения, отвергаемые и опровергаемые Церковью, показывают всеобщую убежденность в историческом существовании Христа. Коротко сказать, ложные толкования тяготели к двум противоположным пределам. Для одних (это были иудео-христиане) Иисус был только великим учителем и пророком, - тем самым Он был для них исторической личностью. Другие соблазнялись именно историческим реализмом обстоятельств и событий Его земной жизни, они по-своему толковали их, утверждая только видимость Его страданий и смерти. Этот "докетизм" (от греч. *dokeomai* – кажусь) во всей своей настойчивости становится понятен именно в противопоставлении историческому реализму евангельских повествований и апостольской проповеди. Докетизм – это не историческая, а богословская теория. И докеты не отрицали нисколько, что то, о чем рассказано в Евангелиях, действительно происходило в определенное время и в определенных обстоятельствах. И могло быть увидено и описано. Они полагали, что Христос не был, но только казался человеком, являлся, как человек. В историческом достоинстве и достоверности евангельской истории и они не сомневались, хотя и занимались мнимым исправлением евангельского текста, урезывая и изменяя его. Но они по-своему толковали смысл евангельской истории, смысл Боговоплощения и Богоявления. Тот ранний, твердый и

решительный отпор, который докетические соблазны встретили в Церкви, еще раз подтверждает бесспорность и изначальность христианского реалистического реализма. Древняя Церковь со всей силой, на основании Нового Завета, утверждала полноту и действительность человечества во Христе, но никогда не допускала, будто он был только человек. Исповеданием, что Христос есть Бог, нисколько не расплывался Его реальный, исторический, евангельский образ. Исторической действительности в христианском понимании с самого начала придается исключительная, решающая важность. Весь смысл изначального, древнего восприятия Христа в том и заключается, что в живом и индивидуальном человеческом образе явился Бог, - не только знамения Божьи, но и полнота Божества телесно. Христианская древность не была ни словоохотлива, ни многоглаголива. Она не искала дополнений к Евангелиям, и даже отсекала их, когда беспокойное любопытство их делало, быть может, на основе смутных преданий и воспоминаний, - об этом свидетельствует история рано сложившегося новозаветного канона и отстранение апокрифов, "отреченных книг". Впрочем, и в них все полно исторического, хотя не всегда вместе с тем и богословского реализма, и несмотря на сдержанную часто игру воображения, и в них чувствуется твердая историческая основа. Церковь хранила и созерцала законченный и целостный лик живого и действительного Христа в едином "четверообразном Евангелии". Хранила и объясняла. В первохристианских памятниках напрасно искать подробного исторического повествования, - они предполагают известную Евангельскую историю, известную не только из Писания, но еще и из неумолкшего устного благовестия. Первохристианские памятники коротки и сжаты. Это – письма и послания, составленные по случаю. И в них не следует искать исчерпывающего и систематического изложения веры. Но в них со всей силой и яркостью сказывается живое историческое чувство Христова Лица. Позже, во II веке, появляются уже более обширные христианские труды и тоже писанные по случаю, для защиты от внешних и от лжебратии. Постепенно складывается и развивается христианская литература. Но прежний дух дышит и в ней. Достаточно немногих примеров.

Послания св. Игнатия Антиохийского относятся к самой грани I и II веков нашей эры (107–117 гг.). В этой дате не может быть серьезных сомнений. Это – письма с пути к малоазийским Церквам, с мученического пути – в Рим, чтобы там стать жертвой уже состоявшегося приговора. Эти письма запечатлены духом живого исторического реализма, который нисколько не ослабляется жаждой мученического венца и разлуки с внешним миром, которая в предчувствии и воле уже совершилась. Безо всяких ограничений св. Игнатий исповедует Иисуса Христа Богом и дерзновенно говорит о "крове Бога", о "страданиях Бога" – но не "Бога, открывшегося в виде человеческом" и "ставшего плотью". Христос есть Бог, "совершенно сделавшийся человеком", родился от Марии и Духа Святого – "сразу и сын человека и сын Бога". Его земная жизнь не была только явлением. Против докетов св. Игнатий со всей силой подчеркивает реальность и полноту человеческой жизни Христа. Он происходил от семени Давида, родился от Девы, принял крещение от Иоанна, был пронзен за нас на кресте при Понтийском Пилате и Ироде четверовластнике и воскрес. Его страдания спасительны, и Он действительно, а не только видимо, страдал. В действительности его страданий – вся их спасительная сила. Отрицать действительность воплощения – значит совершенно отрицать Иисуса Христа, и это значит быть смертоносцами. И воскрес Христос в действительной плоти, осязаемой руками, не какой-нибудь "демон бестелесный", и пил и ел с учениками. Настойчиво повторяет св. Игнатий эту хронологическую ссылку – "при Понтийском Пилате". Он всячески хочет подчеркнуть историческую конкретность образа и жизни Христа. В этом – все его упование, он живет историческим образом Христа. В посланиях св. Игнатия то же, что в Новом Завете, - никакого различия в духе и восприятии. Со св. Игнатием совпадает и его друг, св. Поликарп Смирнский. Та же вера в Богочеловека и то же исповедание

реального воплощения. Оба они борются с докетизмом. Но в их возражениях нигде не чувствуется, чтобы кто-нибудь в это время сомневался в действительном существовании Христа, - были сомневавшиеся в том, что Христос был, а не только казался, человеком, но не в то, что Он существовал.

В середине II века св. Иустин мученик, как мы знаем уже, беседовал с Трифоном иудеем. Есть ли его "Разговор" запись действительной беседы или это только диалогическое изображение типического, примерного спора, не так важно. Важна постановка вопросов и их освещение. Иудею христианин должен был доказывать, что Иисус Христос был и Бог, а не только человек. Тем не менее св. Иустин со всей определенностью подчеркивает и полноту человечества во Христе. Он постоянно ссылается на отдельные события земной жизни Спасителя и объясняет их смысл и значение. С особенным вниманием он останавливается на происхождении Христа из дома Давидова, из колена Иудова, из рода Авраамова. Христос родился от Девы Марии, во время Квириниевой переписи, в Вифлееме. Говорит св. Иустин о явлении звезды и поклонении волхвов. Рассказывает о Крестителе. Передает евангельские рассказы о проповеди и чудесах Христа. Описывает последние дни, Тайную вечерю, Гефсиманское моление, взятие в саду, суд Пилата, распятие, явления по воскресении. Св. Иустин воспроизводит Евангельский образ Христа, и именно как реальный исторический образ. Христос-Мессия, пришедший во исполнение пророчеств. Ссылка на пророчества имеет вес именно исторического довода. Мессианское достоинство Христа есть тоже историческая черта. Христос стал и был человек, родился, возрастал, хотя и был от века как Бог. Вся его жизнь свидетельствует полноту и действительность его человечества, и в особенности его страдания, - все эти указания св. Иустина получают тем большую силу, что именно это смущало его собеседников. Перед иудеями он начертывает образ страждущего Мессии, который для них соблазнителен и неприемлем. Он доказывает перед ними для них совершенно парадоксальное положение. И вместе с утверждением действительного человечества раскрывает Божественное достоинство Христа. То же свидетельствует он и перед язычниками в своих Апологиях. Весь смысл и содержание христианской веры в исповедании Иустина мученика полагается в живом образе Христа как воплощенного Сына Божия и в Его действительном деле, значение которого при том выходит за ограниченные исторические грани.

Ко второй же половине II века относятся творения св. Иринея епископа Лионского, западного учителя по месту своей деятельности и восточного по своему происхождению и первоначальным связям. Он был учеником и слушателем Поликарпа в Смирне и навсегда запомнил его уроки. А Поликарп был учеником апостольским и в особенности ап. Иоанна, обращался со многими, видевшим Христа. И в своих беседах рассказывал о них, "припоминал слова их, как и что слышал от них о Господе, пересказывал о Его чудесах и учении, о чем получил предание от людей, которые сами видели Слово Жизни"... Поликарп воспринимает предание о Христе от самовидцев, и образ Христа и в его памяти сохраняет всю живость первоначального непосредственного живого восприятия. В этой же непосредственной живописи запоминает его св. Ириней. Эта связь с самовидцами для Иринея имеет решающее значение, о ней он всегда вспоминает. И в его творениях еще продолжает звучать живой голос первоначального видения. Неизменность апостольского предания - эта одна из самых основных мыслей св. Иринея, и, прежде всего, она распространяется на образ Христа. Сравнительно недавно сделалось для нас доступным полупотерянное, полузабытое сочинение св. Иринея "Доказательство апостольской проповеди" - опыт краткого, огласительного и назидательного изложения основных положений христианской веры. Основная мысль этой книги - исполнение пророчеств. Христос есть Бог, об этом св. Ириней говорит ясно и подробно. И в последние дни Он стал истинным человеком и жил между людьми, проповедуя и исцеляя. Был поруган, мучим и умерщвлен, распят на кресте. И воскрес. Св. Ириней передает Евангельские

подробности. Подобно св. Иустину, он доказывает, что все эти события были предсказаны пророками. И во всем составе этого доказательства чувствуется, что он исходит из непосредственного Евангельского образа и к нему подыскивает ветхозаветные параллели. При этом он идет, в сущности, по линии наибольшего сопротивления. Он доказывает трудное положение, трудное для сомневающихся. И вся убедительность доказательства связана с непосредственной яркостью и достоверностью Евангельского образа Христова. Лжеучители II века, гностики, с которыми св. Ириней много боролся и спорил, облегчали эту задачу для себя отрицанием реальной полноты исторического существования Христа, допущением призрачности его человечества. Такое представление легче всего укладывается в рамки привычных языческих воззрений. Они разлагали Евангельский образ. Св. Ириней защищает древний образ и опирается прежде всего на неизменную историческую память, исходящую от живого видения. Это – апостольское видение исторического Христа Иисуса. Но апостолы видели не простого человека, но человека и Бога, Бога, ставшего человеком, и человека, который был Богом. Этот образ ярко стоит в сознании св. Ириней. Он подчеркивает обе стороны: и божество, и человечество. Вся ценность лика и дела Христова в том, что истинный Бог стал истинным человеком, "принял от человека существо плоти", "сделался тем, чем были мы". Он действительно родился, хотя от Девы, возростал, вкушал и алкал, плакал и скорбел, действительно пострадал и умер, распятый на кресте. В жизни Христа пройден во всей полноте человеческий путь, и потому эта жизнь получает для каждого характер прообраза и примера. И вместе с тем в жизни Христа, как сразу и Бога и человека, осуществилось реальное воссоединение человека с Богом. В этом реализме весь пафос св. Ириней, и его он опознает как апостольское предание. Этой ссылки на апостольское предание не оспаривали и противники св. Ириней, и это дает новый исторический довод: именно реализм и историзм имел за собой доказательство древности. О том же свидетельствуют и творения младшего современника св. Ириней, Карфагенского пресвитера Тертуллиана. И его мировоззрение всецело определяется реальным историческим образом Христа.

Нет нужды продолжать историческое исследование дальше. Последующие века с совершенной верностью хранят историческое предание прошлого и в Евангельском образе Христа утверждают свое исповедание. Ни у кого не появляется сомнения в историческом существовании Спасителя даже среди самых злых ненавистников христианской веры. И самая ненависть направляется на самую личность Христа, и в этом новое доказательство всей бесспорности, с которой тогдашние люди воспринимали Его образ. В особенности выразительно и убедительно то, что подобные сомнения вообще никогда не поднимались. Самые защитники современного мифологизма не отрицают, что с начала II века христианские писатели (те самые, свидетельство которых мы только что приводили) бесспорно исповедуют "человечество", т.е. историческую действительность Христа, но в этом они видят нововведение, не опирающееся ни на какую историческую память или знание, "выдумку, продиктованную политическими и практическими потребностями молодой христианской Церкви в ее борьбе за существование", в борьбе с гнозисом, который будто бы продолжал то идейное движение, которым порождены "синоптические" Евангелия. В этом утверждении нет никакого согласия с действительными историческими соотношениями, как они устанавливаются трезвым и совершенно свободным критическим исследованием. В действительности никакого разрыва в церковном восприятии и сознании не было. И об этом прежде всего говорит тот факт, что церковное сознание неизменно и настойчиво утверждалось на евангельском повествовании, воспринимало его именно как историческое свидетельство, и именно в Церкви Четвероевангелие было утверждено в своем каноническом достоинстве. Напротив, именно гностицизм, ослаблявший (но вовсе не отрицавший) историческую действительность Христова образа своим брезгливым к плоти докетизмом, отвергал и изменял Евангельское предание. Вне Церкви гнушались Евангельским реализмом и

потому урезывали Евангельский рассказ. Непрерывность именно здесь нарушалась. И сразу чувствуется, что здесь ведется борьба с установившимся преданием. Предполагаемый мифологистами перерыв вообще не существовал, ничем не проявлялся.

Христос пришел в мир неузнанным. "Внешние" просто не заметили Его в свое время, - отсюда скудость внехристианских древних свидетельств о Нем. Его образ запомнили и сохранили те, кого озарила Его Божественная Личность. Его проповедь и дела. И свое видение они закрепили в слове, - это первое историческое свидетельство о Нем, обвеянное всей живостью непосредственного личного общения. Это же видение они передавали в устной речи. Все первохристианство собирается вокруг живого исторического образа Иисуса из Назарета, Христа, Сына Божия. И согласным хором свидетельствуют о Нем. Против этого свидетельства, восходящего к очевидцам и к живому общению, остается бессильным всякое сомнение, опирающееся только на предвзятую мысль о невозможности Богочеловека.